

Поминки

Печка стояла.

В феврале, на другой день после похорон мамы, я увидел эти трещины. Над варочной плитой, под потолком у основания трубы. Замечал и раньше, но они были не такими широкими. А тут — рвали печку.

Каждую осень мама замазывала трещины глиной, забеливала известкой; весной глина и известка отваливались, мама замазывала и забеливала по новой.

Весной земля двигается, весной проседают дома, кренятся сараи. Но февраль — это еще не весна...

Говорят, после смерти человека сделанное им начинает разрушаться. Не всё и не всегда, хотя часто и многое. Будто смерть хочет забрать не только само тело, но и плоды его деятельности. Я не замечал, да и причин замечать не было. До этих месяцев. Теперь появились — в ноябре умер отец, через три месяца, день в день, мама.

Не они строили этот домик, клали печь, но очень много сделано ими. Надолго ли сделанное переживет их?..

И когда отпирал дверь, ожидал увидеть груды кирпичей, лопнувшую чугунную плиту, отлетевшую в сторону заслонку... Вернее, еще когда подъезжали, первым делом нашел взглядом трубу. Труба была на месте. Но она закреплена на чердаке — могла остаться, повиснув, а печка...

Печка стояла. И даже трещины вроде бы не стали шире и длиннее. На них без страха, доверчиво смотрят смешные телята с календаря на торце шкафа.

Да, прошлый, двадцать первый, был годом какого-то Быка. Страшный получился год. Но по сравнению с этим... Этот ни с каким, наверное, не сравним.

— Теперь надо огород посмотреть, — говорю и себе, и Лене, ангелу-хранителю нашей семьи.

Мы знакомы с девяносто пятого. Лена работала в Минусинском театре костюмером, я несколько месяцев вахтером, моя сестра была актрисой. Потом я уволился, сестра умерла... Снова встретились мы с Леной лет десять назад на похоронах Афанасия Артемьевича Шадрина, известного в Красноярском крае писателя, журналиста. Я был с отцом, он тогда уже ослабел, недавно перенес инсульт. И Лена предложила после траурных церемоний отвезти нас в деревню, сюда. Узнав, что я живу далеко, а у родителей нет никого близких, объявила, что берет над ними шефство. Прямо вот так как-то по-комсомольски это сказала. И с тех пор навещала их, часто привозила из города с тяжелыми сумками.

Да, она хранила моих родителей от тоски одиночества, от чувства ненужности, забытости. Но... Но и те ангелы-хранители, настоящие, если они есть, тоже не в силах хранить людей вечно. Никто не бессмертен. И Лене, хоть она бодрится, лихо водит свой «ниссан», уже под семьдесят. Скоро и ей понадобится опека. Хорошо, что у нее рядом дочь, сын...

— Надо посмотреть, — соглашается Лена без охоты.

Она побывала здесь несколько дней назад, проверяла, поспела ли ягода. Написала, что еще не совсем, добавила: огород подзарос. Хм, интересная это приставка «под» в подобном значении. Не устал, а подустал, не закусил, а подзакусил, не зарос, а подзарос. Не совсем, типа...

Выходим во двор. По привычке ожидаю услышать повизгивание Чичи — поиграй, поиграй. Дворняжка наша, седьмая или восьмая с тех пор, как здесь поселились. Но Чичи нет — забрала тетя Тамара, соседка. Спасибо ей. Я уж думал отравить или еще как-то избавиться. Куда ее — просто спустить с цепи и оставить, значит показать, какой я бездушный. Не пришлось...

Отвел тогда, в феврале, за четыре двора отсюда; Чичи бежала радостно, думала, видно, что просто гуляем — я иногда выводил за ограду на цепи вместо поводка. Но в этот раз мы не гуляли — завел к тете Тамаре, прибил цепь к стене сарая. Потом будку отнес, миску... Сейчас на месте будки вылезла трава.

Трава, трава...

Сколько я уже писал о ней — самому тошно. Но как не писать, когда она лезет и лезет, непобедимая, неистребимая. Ничто ее не берет, даже, теперь убедился, химия.

В прошлый приезд, в начале мая, купил на рынке в городе несколько банок «Торнадо», пульверизатор. Развел, опрыскал то, что успело проклюнуться на картофельном поле (понимал, что картошку в этом году не буду сажать), в проходах меж грядок. И вот — никакого эффекта. Зеленая стена. Высокая вообще-то теплица из поликарбоната выглядит из-за стены лишь верхушкой. Будто не ухаживали за этой землей тридцать лет, не нагибались за каждым сорняком.

Впервые с похорон мамы закипает в горле.

— Да, вот так оно, — голос Лены, — без хозяев моментом дичает.

Примерно те же слова сказал нам, только купившим этот участок, старик Мациевский из дома напротив. Заметил, как мы оглядываем избушку с разбитыми стеклами и сползший с крыши лист шифера, обвалившийся дровяник, упавший забор, и сказал. Было это ровно двадцать девять лет назад. В июне девяносто третьего...

Потом эти слова я вставил в одну из первых своих повестей, а сейчас услышал их вновь.

Некрасиво кряхчу, давая рыдания, достаю сигарету. Ответить Лене нечего. Вздохнуть разве что.

— Ну, поеду я, — говорит Лена так, словно разрешения просит.

— А чай?

— В следующий раз. Отдохни с дороги.

Не настаиваю:

— Да.

Возвращаемся во двор.

— Спасибо, Лена, что привезли. А! — вспоминаю. — Луку возьмите, а то издрябнет.

Мама произносила это слово, теперь вот я.

Лена не отказывается — мы заранее условились, что возьмет. Мама много его нарастила, просушила, я осенью спустил в подпол в плоских ящиках, а весной достал...

Открываю времянку. Сюда в мае перенес лук, чеснок, уцелевшую от мороза и крыс картошку.

— Картошку не предлагаю — почти вся в парше.

Хочу добавить, что надо заменить семенную, в другом месте посадить, а то на этом поле столько лет подряд, но не добавляю. Какая посадка... Всё теперь по-другому...

Лук хороший. Крупный, твердый. Торопливо накладываю в пакет.

— Хватит, — говорит Лена, — достаточно.

— Да куда его... Мне и пары штук хватит. И чесноку вот... Вещи я постараюсь дособрать в ближайшие дни. И позвоню.

Договорились еще весной: я отберу родительскую одежду, какая получше, а Лена отвезет куда-то для малоимущих.

— Хорошо, звони. Ты сильно духом-то не падай. — Лена наверняка слышит в моем голосе что-то,

что ее тревожит. — Приезжай, если здесь станет плохо совсем. Одному. Я помню, как это — без родителей...

Киваю. Прощаемся. Белый «ниссанчик» скрывается за углом забора. Так же скрывались скорые прошлой осенью и в декабре, увозя то маму, то отца, то снова маму...

Вместо того чтобы идти в дом, поесть и потом, может быть, подремать — устал ведь, действительно, перелет четыре часа, смена часовых поясов — или хотя бы переодеться в рабочее, возвращаюсь в огород.

Это уже давно больше чем привычка: приезжая к родителям, делать обход хозяйства, смотреть, как что растет, какая предстоит на ближайшие недели работа. Из городского человека во время этого обхода я превращаюсь в деревенского. А у большинства деревенских главная забота с апреля до октября — огородные посадки. Их нужно спасать от душащих сорняков, поливать, удобрять, иначе ничего не наберешь, не накопишь. Даже картошка требует заботы.

На нашей улице два дома купили небедные люди из Абакана. Не для постоянного проживания, а под дачи. Автомобили у них отличные — минут сорок, и они здесь.

Поначалу говорили: «Засеем газоном, овощей и на рынке полно». А потом смотришь — изгороди у них современные, европейские, всё видно, — одну

грядку соорудили, потом другую, вот мотокультиватор купили, делянку под картошку вскапывают. Кажется, самой земле скучно газон питать...

И все эти годы, приезжая, я первым делом, даже сумки в дом не занеся, направлялся сюда. Раньше вместе с родителями, а потом, когда они стали ходить медленно и тяжело, один. Если приезжал летом, мама обязательно спрашивала: «Что, сильно мы запустили?» Я неизменно отвечал: «Отлично всё, чисто». Но мама сразу определяла, если говорил это не совсем искренне, а так, чтоб их успокоить. «Да что тут отличного... Зарос огород, зарос неприлично».

Ох, разве у родителей зарастал? Вот сейчас — зарос.

Трава по пояс. Как в песне.

Усмехаюсь такой аналогии, замечаю, что усмехнулся. Становится неловко, точно я играю. Наверно, играю, но ничего не могу с собой поделать — часто у меня такое чувство, что за мной наблюдают. И надо играть.

В хороших туфлях, чистых джинсах шагаю в траву, начинаю ее выдергивать.

Не очень-то поддается. Крепкая, с толстыми стеблями, совсем не огородная. Да и не трава это в привычном смысле — не длинные и плоские листья у нее, как, например, у пырея, осоки, а небольшие, напоминающие древесные; скорее, не стебли, а — если дать волю дорасти до зрелости — настоящие стволы. Марь, подснежник, желтушник, осот...

Их десятки видов, таких сорняков. По ним, как лиана, ползет вьюн, под ними мхом стелется мокрец.

Травяной лес какой-то.

Конечно, любой мало-мальски знакомый с ботаникой может фыркнуть от сравнения с лесом, но пусть сам посмотрит... Недавно я прочитал, что есть регионы, где наблюдается гигантизм трав — они способны вырастать выше двух метров. Нашел карту этих регионов, и один из них как раз здесь — в отрогах Западного Саяна...

А одуванчиков не вижу. Хорошо. В мае я их выкорчевывал лопатой, носил в ведрах на край участка.

Да, одной рукой травыны не одолеть. Берусь за стебель обеими. Дергаю... И корни мощные у таких трав, похожие на корни деревьев.

Выдергиваю одну, другую, третью. Оббиваю землю с корней... Нет, так я все двенадцать дней потрачу. На дерганье этой мари и ей подобного сора. Хотя ведь нет, кажется, ни одной по-настоящему сорной травы, каждая чем-нибудь полезна. Одна от головной боли, из другой салат полезный, третья давление понижает, четвертая снимает изжогу...

Впрочем, об этом я уже писал. И не раз. Но как только начинаю бороться с сорняками, злясь на них, вспоминаю. Что полезны. Они ведь не виноваты, что человек выбрал и окультурил другие травы.

Прошлым летом мы купили газонокосилку. Мама настояла. «Не сами, без тебя если, так кого из соседей будем просить, — сказала. — У всех есть, и мы можем позволить».

Четыре года назад мама взялась за обустройство усадьбы. И до этого они с отцом много делали, но в основном старались защитить от разрушения, а тут — строительство, дорогие покупки.

Во-первых, баня.

С девяносто третьего, как переехали сюда, и родители, и сестра моя, и я, и мои дочери, жены мылись в старой, оставшейся от прежних хозяев — крошечной, без предбанника, с железной печкой. Разговоры о том, что надо новую, сначала заводились, а потом перестали. Сестра умерла, я бывал по месяцу летом и по неделе, и то изредка, весной или осенью, часто без семьи. В общем, и этой сполоснуться как-то хватало.

Как моются в ней родители зимой, как вообще переживают зимы — не думал. Вернее, старался не думать.

А весной восемнадцатого мама вдруг решила твердо — надо строить. Отправила меня в соседнее село, в Знаменку, где есть лесопилки, торгуют досками, брусом, и я заказал материал; там же мне порекомендовали строительную бригаду. И через год появилась просторная — парилка, мойка, предбанник размером с приличную комнату — баня. Теперь я и моя нынешняя жена, приезжая сюда, живем в ней, а не во времянке, которая, кажется, старше избы.

(В нашей семье времянку называли биндюжкой. Я долго, так сказать, сторонился этого слова, не вставляя его в свои тексты, считал несибирским, что ли. А потом заглянул в словари — да нет, вполне себе сибирское. Означает «будка», «подсобка». И уже

«временка» кажется мне неточным — какая же она временка, если стоит и стоит столько десятилетий.)

Еще до бани появились ворота. Железные, удобные вместо просевших деревянных. Когда закончили с баней, мама наняла рабочих, которые сняли шифер с крыши избы и положили металлочерепицу, стены обшили сайдингом, вставили в окна стеклопакеты.

А этой осенью отремонтировали счетчик, обновили часть проводки, деревянный электрический столб заменили бетонным.

Теперь я понимаю, почему она так активно занялась строительством и серьезным ремонтом. Чтобы мне жалче было продавать участок. Одно дело, если всё ветхое и старое, пригодное лишь на дрова, а другое, когда только что поставленное, свежее, во что вложены солидные деньги.

На это была израсходована бóльшая часть их сбережений. И несколько раз мама в последние месяцы просила меня: «Не продавай, пожалуйста. Пусть так... ладно, пусть лезят, но не продавай. Земля лишней не будет».

Именно — землю ей было жалко терять. Важно было знать, что после ее смерти земля останется нашей. А обшитый дом, новая баня, косилка, это как дополнение — удобства жизни при земле. Двадцати двух сотках.

Последний раз маму отправляла в больницу Лена. Приехала ее навестить в середине января и увидела, что ей совсем худо... Мама обычно храбрилась, осо-

бенно в разговорах по телефону. Уже вот встать не могла, замерзала — соцработница Люда топила печку утром и вечером, но разве так избу прогреешь, даже такую маленькую, — а по телефону говорила: всё «в целом» неплохо, идет на поправку.

Лена приехала, ужаснулась, вызвала скорую. Пока ждали, собрала ценные вещи в машину, отдала соседям на сохранение бензиновую косилку. Она длинная, а разобрать, чтобы в машину влезла, у Лены не получилось.

Надо будет взять, выкосить. Хоть на месяц придать огороду более-менее ухоженный вид. А то глянут через забор на эти заросли, решат, что брошенный дом, и полезут...

Сняться и дом, и огород теперь куда чаще, чем когда родители были живы. И кажется — там, в городской квартире, — что я мог бы провести в деревне всё лето, вернее, весь огородный сезон. Но... Хм, всегда эти «но» — они, как шлепок по щеке, заставляют остановиться, приводят в себя. Да, «но» — но жена ждет ребенка. Срок большой — в конце августа, в сентябре должна родить. Отпустила на две недели.

Про всё лето мне, наверное, действительно только кажется. Обычно как раз через две-три недели начинает тянуть в город. И не в ближайший Минусинск с сотней тысяч жителей, почти на две трети деревянный, с подобными избушками и огородами, а в большой. В Питер, куда я уехал после школы, в Москву, где провел двадцать лет, в Екатеринбург, где живу теперь...

Шукшин кому-то написал или в записной книжке заметил: «Лучше писать и жить дома. Не совсем, но подолгу, по году так». Мечтал, что снимет фильм про Разина, бросит кино, реже станет бывать в Москве, а чаще на родине. «По году».

Нет, после прошлой осени и нескольких дней в феврале, которые я провел здесь, не верится, что Шукшин бы выдержал год в деревне. И дело не в морозах, не в сортире во дворе, не в печном отоплении, не в баньке, которая немногим лучше нашей старой (я был в Сростках, осматривал их усадьбу), а в атмосфере. Опять же Шукшин говорил, что не может без кино — закидает за писательством. Представляю, как бы он закинул за писательством не в центре Москвы, а в деревне в сорока километрах от ближайшего города... Да уехал бы через месяц-другой.

Хм, кто из писателей, став известным, постоянно жил в деревне? Кажется, даже из деревенщиков никто. Никто на это не отважился.

Из города приезжают, селятся. Есть такие. Особенно много было в начале девяностых. В том числе и наша семья...

Сквозь траву, будто в воде иду, пробираюсь к ягоде.

Поначалу я в своих повестях и рассказах писал просто «виктория» без всяких расшифровок. И удивлялся, что редакторы в московских толстых журналах не знают, что это. Приходилось объяснять, ссылаться на книгу «Соленое озеро» Влади-

мира Солоухина, который, побывав в Хакасии, узнал про «викторию» и посвятил этому понятию с полстраницы. Редакторы хмурились — то ли не любили всего Солоухина, то ли именно «Соленое озеро», где нехорошо про Гайдара, — и просили все-таки показать в моих текстах, что «виктория» это сорт садовой земляники. «Хотя какая это земляника, — добавляли, продолжая хмуриться, — это клубника. На рынке так и пишут — клубника». Я рассказывал, что у нас в Сибири клубникой называют дикую ягоду. «Ну и земляника ведь в лесу растет», — перебивали меня. Я не сдавался: «А клубника в полях».

В общем, каждый раз возникали сложности с этим словом. И видя ягоду или вспоминая о ней, я мысленно начинаю кому-то растолковывать, снова спорить. Привожу примеры, что вот «унитаз» это фирма была такая, выпускавшая, наравне с несколькими другими, эти полезные изделия, и в русском языке за изделием волею случая закрепилось именно такое название, как и «ксерокс», «памперс»... Ну и вот «виктория» — один из сортов садовой земляники/клубники, ставший в Сибири, по крайней мере, названием для всей этой ягоды.

А к виктории и в текстах, и в жизни приходится возвращаться. Торговля ею много лет была основным источником денег для нашей семьи, и мой график летних приездов определялся ее созреванием — с конца июня до середины июля я обязательно должен был находиться здесь. И за четверть века —

да, весомо звучит, может, даже слишком — я не приехал только однажды, когда родилась моя младшая дочь. Скоро она станет средней. Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить...

Дорожки в огороде, натоптанные многими годами, почти неразличимы. Трава повсюду. Иногда вижу желтовато-пепельное у самой земли. Наверное, это те сорнячки, которые опрыскал в мае «Торнадо». Думал, эффект будет другим — что на опрысканной территории трава не полезет минимум месяц. А так... Это надо именно каждую былинку обработать, получается. Тогда уж лучше и легче, конечно, вырвать или скосить.

Да, надо забрать косилку у соседей. По крайней мере на то время, пока я здесь. Потом вернуть со словами: «Вот оставляю, пользуйтесь». Может, почувствуют благодарность — если и не станут охранять наш... нет, теперь уже мой участок, то хотя бы сами не полезут.

Брать особо-то нечего. Телевизор старый, громоздкий — «Avest». Помню, купил его в Абакане году в девяносто шестом. Привез на автобусе — решил сделать родителям сюрприз. До этого с самого переезда жили без телевизора. Тот, что был у нас в Кызыле, «Рекорд», дышал на ладан, рябил, а тут, в деревне, нужно антенну ставить — настоящую мачту: даже транзистор ловит плохо.

Сначала не до антенны было, потом же как-то не особо нужен он стал. Отвыкли, что ли. Или, ве-